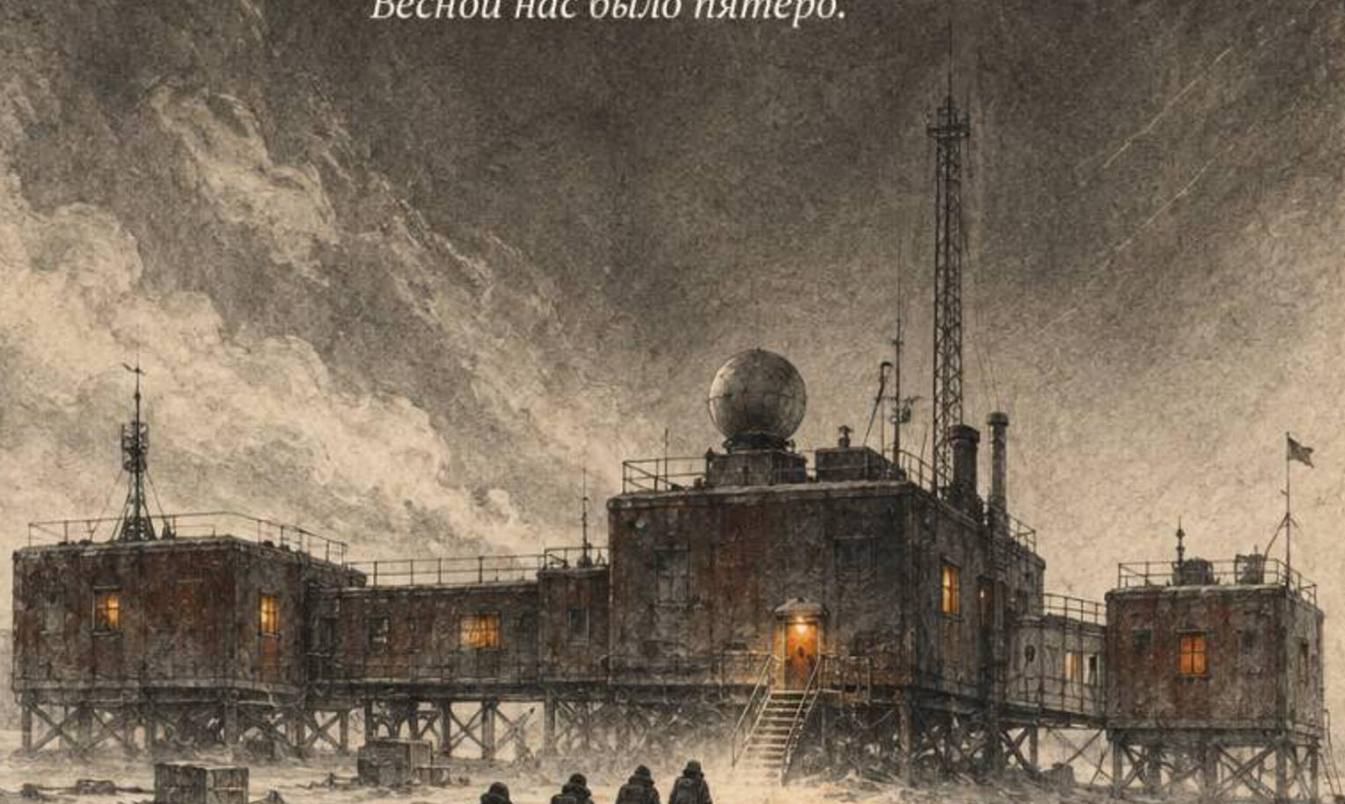

ВОСТОК-9

ПЯТЫЙ ЗИМОВЩИК

*Мы прибыли вчетвером.
Весной нас было пятеро.*

Данила Капшук

Восток-9. Пятый Зимовщик

«Автор»

2026

Капшук Д. А.

Восток-9. Пятый Зимовщик / Д. А. Капшук — «Автор», 2026

Четверо зимовщиков остаются на затерянной в антарктических льдах станции «Восток-9». Следующий самолёт прибудет только через 270 дней. На девятый день повар накрывает стол на пятерых. Затем начинают исчезать продукты, тепловизор замечает незнакомца в коридоре, а в архиве обнаруживаются записи о зимовке 1987 года. Когда врач Илья просматривает ночные камеры, он видит невозможное: в одно и то же время он спит на своей койке и находится в радиорубке. За запертой дверью нижнего модуля скрывается правда, которая заставит каждого усомниться в собственной памяти. И если на станции действительно пятеро, кто из них не должен был сюда попасть? «Восток-9. Пятый зимовщик» — психологический хоррор о двойниках, изоляции и цене человеческой личности.

© Капшук Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 01. Последний рейс	6
Глава 02. Лишняя порция	11
Глава 03. Три часа	16
Глава 04. Медицинская карта	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Восток-9. Пятый Зимовщик

Вдохновением для создания романа послужила популярная вымышленная история, получившая распространение в интернете.

На основе этой идеи создано самостоятельное художественное произведение с разработанными персонажами, оригинальными сюжетными линиями, расследованием и завершением истории.

Все персонажи, исследовательские программы, организации и описанные события являются вымышленными.

Иллюстрации созданы специально для данного издания с использованием технологий генерации изображений.

Глава 01. Последний рейс

Первый день. Самолёт ушёл.

01

Когда самолёт развернулся, я ещё держал в руке чужую варежку.

Её уронил бортмеханик. Я подобрал варежку возле саней и поднял над головой, но он уже втягивал лестницу. В круглом окошке мелькнула ладонь. То ли он благодарил меня, то ли прощался. Ветер вырвал из варежки немного снега и бросил мне в лицо.

Мы стояли вчетвером. Повар Геннадий Ершов прижимал к животу ящик с яйцами; механик Глеб Ракитин придерживал капюшон; радист Антон Серов снимал отлёт на маленькую камеру. Я смотрел, как пропеллеры превращают воздух над полосой в дрожащую грязную пелену.

Мне хотелось сказать что-нибудь, что запомнилось бы. Оказалось, сказать нечего.

Самолёт пошёл на разбег. Ракитин тронул меня за плечо и показал на натянутый между столбами трос. Пока мы добирались до первого столба, самолёт оторвался от земли. Я оглянулся: тёмный крест уже казался царапиной на стекле.

— Теперь за мной, доктор. Здесь недалеко.

До станции было двести метров. На бумаге — расстояние от моего дома до аптеки. Здесь я дважды останавливался, чтобы вдохнуть через шарф. Воздух резал горло. За очками слезились глаза. Снег под ногами звучал так, словно мы шли по осколкам.

Красный жилой модуль стоял на опорах. К нему были пристыкованы узкие переходы, ведущие в радиорубку, генераторную и склад. Над дверью торчала побелевшая антенна, под ней висел щиток: «ВОСТОК-9». Девятка была нарисована поверх другого, более старого знака.

В тамбуре Ракитин закрыл наружную дверь, отсчитал несколько секунд и только потом открыл внутреннюю.

— Обе сразу не открываем. Даже если очень спешим.

Внутри пахло горячей пылью, тушёной капустой и мокрой шерстью. Я ещё не снял очки, а Геннадий уже унёс ящик на кухню. Серов повесил камеру на гвоздь и проверил настенные часы.

— Семнадцать сорок две. От них пляшем. В телефоне время можешь не менять, только в журналы его не ставь.

На улице было минус шестьдесят один. Следующий штатный рейс ожидался через двести семьдесят дней.

Мне тридцать пять лет, я врач, и я прекрасно понимал, что это значит. По крайней мере, так я думал в тот вечер.

Мой медпункт оказался бывшей кладовой с раковиной и узкой кушеткой. В шкафу лежали запаянные инструменты, медикаменты, комплекты для переливания и медицинские карты четверых зимовщиков. Я проверил холодильник, температуру, пломбы. На нижней полке стояла пустая стеклянная банка с выцветшей наклейкой. На ней сохранились две буквы: «С. В.».

Я спросил у Ракитина, откуда банка.

— От прежних. Хочешь — выброси.

Он сказал это слишком быстро для предмета, который никому не нужен. Я оставил банку. В первый день здесь всё было от прежних, включая кровати, полотенца и половину наших привычек.

Спальня была общей. Четыре койки отделялись друг от друга низкими фанерными перегородками. Мне досталась дальняя, возле стены, за которой проходили трубы. На подушке лежал комплект белья с вышитой синей цифрой девять.

Пока я застилал кровать, Серов раскладывал свои вещи с аккуратностью человека, ожидающего обыска. Зарядки — в жестяную коробку, носки — в сетчатый мешок, книги — корешками наружу. На тумбочку он поставил фотографию мальчика лет восьми.

— Сын?

— Племянник.

Он повернул фотографию к стене, будто я сказал что-то лишнее.

Ракитин уселся на свою койку, снял носок и принялся разглядывать палец. Я предложил помочь.

— Натёр. Завтра глянешь.

— Покажи сейчас.

Он помедлил, потом протянул ногу. На пятке был свежий пузырь, а выше лодыжки тянулся старый ожог — четыре кривые полосы,

будто

кто-то

коснулся

кожи раскалённой вилкой. Ракитин следил за моим лицом.

— Отопитель, — сказал он. — Давняя история.

Я обработал пятку, вырезал разгрузочное кольцо из мягкой повязки. Ракитин поблагодарил и впервые улыбнулся. Перед отлётом я видел его личное дело: сорок шесть лет, несколько зимовок, хорошая характеристика. Вблизи возраст определить было трудно. Лицо обветренное, глаза светлые, волосы на висках почти белые. Люди с такой внешностью долго выглядят одинаково.

За ужином Геннадий поставил на стол четыре глубокие тарелки.

— У меня правило, — сказал он. — Если невкусно, сообщаем сразу. Через месяц претензии не принимаются.

— А если через месяц станет невкусно? — спросил Серов.

— Значит, ты заболел. Обращаешься к доктору.

Я ел с удовольствием, удивляясь собственному голоду. На материке у меня плохо получалось нормально ужинать. Дежурства, кофе, бутерброд над раковиной. Последний разговор с женой тоже состоялся на кухне, но о нём я старался не думать. Мы расстались за три месяца до экспедиции. Она сказала, что я умею оставаться рядом только с теми, за кого отвечаю по должности.

На станции это казалось преимуществом.

После ужина Ракитин провёл нас по модулям. Показал аварийные маски, резервные печи, щит переключения генераторов. В конце складского коридора стояла металлическая дверь без ручки. На ней был приварен лист с номером девять.

— Нижний технический объём. Законсервирован.

— Под нами что-то есть?

— Старый модуль. Снег нарастал, его перекрыли. Там ни кислорода, ни работы для тебя. Ракитин провёл пальцем по сварному шву. Я заметил, что краска возле шва свежая.

Перед сном я попытался отправить сообщение матери. Связь была медленной, значок загрузки вращался почти минуту. «Долетели.

Всё

хорошо.

Нас

четверо. Очень холодно». Я перечитал и убрал последнюю фразу: она и так знала.

В коридоре погас верхний свет. Осталась лампа над аварийным выходом, и от её зелёного отсвета лица казались нездоровыми. Геннадий ворочался, Серов что-то писал в блокноте. Ракитин заснул почти сразу.

Я лежал лицом к стене и слушал трубы. В них иногда щёлкало. Один раз раздался отчётливый скрежет, словно по металлу медленно провели ногтем.

— Тепловое расширение, — сказал Ракитин из темноты.

Я не понял, когда он проснулся.

Ночью

мне

привиделась

лестница самолёта. Я поднимался по ней, держа в руке чужую варежку, а бортмеханик наверху считал людей. Он каждый раз начинал заново. Когда очередь дошла до меня, я проснулся от собственного резкого вдоха.

На часах было три ноль одна.

С противоположной койки кто-то тихо спросил:

— Все здесь?

Я ответил:

— Здесь.

Утром никто не признался, что задавал этот вопрос.

Глава 02. Лишняя порция

Пятая порция. Нас четверо.

Первые дни станция требовала от нас столько мелких действий, что я почти не успевал скучать. Нужно было проверить запас кислорода, разместить лекарства, составить график осмотров. Снаружи мы выходили парами, пристёгиваясь к страховочному тросу. Даже мусор здесь нельзя было просто вынести и забыть: его сортировали, упаковывали, подписывали и складывали до самолёта.

Геннадий завёл на кухне тетрадь расходов. Писал крупно, нажимая так, что на следующей странице оставались борозды. В графе «едоки» каждый день стояла четвёрка.

На девятый день он разложил кашу в пять мисок.

Я сидел за столом раньше остальных и видел, как это произошло. Геннадий снял пятую миску с полки, положил две полные ложки, провёл половником по краю и поставил её на свободный конец стола. Потом обернулся к плите.

— Ждём кого-то? — спросил я.

Он пересчитал миски взглядом.

— Вот ведь. Дома нас пятеро.

— Ты женат?

— Был. Дочь, зять, двое мелких. Иногда живу у них. Там попробуй одну миску забудь.

Он забрал лишнюю порцию и поставил возле плиты. Ракитин вошёл, посмотрел на неё и на секунду задержался у порога.

— Нормально спал, Гена?

— Лучше тебя, судя по лицу.

Мы позавтракали. Серов жаловался, что у него пропало несколько минут записи погоды. Ракитин объяснил это скачком питания. Я предложил обследовать всех пораньше, пока организм ещё приспосабливается к режиму и высоте.

Когда остальные разошлись, я принёс свою миску к мойке. Пятая стояла рядом. Каша в ней была надрезана ложкой до самого дна. Я решил, что Геннадий попробовал, хорошо ли сварилась крупа.

Позже он спросил меня, не мало ли мне было завтрака.

— Ты доел ту порцию?

— Нет.

— Тогда кто?

Мы посмотрели на пустую миску, лежавшую в мойке. Разговор не продолжили. На станции любой такой вопрос легко звучал обвинением.

Вечером я осмотрел Ракитина. Пятка заживала. Давление оказалось чуть повышенным, но ничего тревожного я не нашёл. Он несколько раз спросил, обязательно ли сдавать кровь сейчас.

— Ты же согласился ещё на материке.

— Там я на многое согласился.

Он засмеялся, закатал рукав. Кожа была необычно холодной. Я измерил температуру: тридцать пять и восемь. Ракитин сказал, что всегда такой.

— Можешь посмотреть прежнюю карту.

В прежней карте действительно значилось: индивидуальная склонность к пониженной температуре. Подпись врача я не разобрал.

На одиннадцатый день Геннадий снова приготовил лишнюю порцию, на этот раз супа. Он заметил ошибку сам и громко выругался. Серов предложил поставить пятую тарелку вверх дном, чтобы та не лезла под руку. Повар убрал её в дальний шкаф.

Ночью я проснулся от звона посуды. Вышел на кухню, думая застать Геннадия. Свет над плитой горел. На столе стояли миска и стакан воды. Человек в тёмном свитере сидел спиной ко мне.

— Не спится? — спросил я.

Он не ответил. Я шагнул ближе и увидел, что за человека принял ватную куртку, повешенную на спинку стула. Рукав свисал почти до пола. В стакане была вода, а в миске — два засохших кусочка хлеба.

Сонный мозг охотно дополняет тени. Я знал это и всё же включил второй светильник.

Геннадий появился в дверях, шурясь.

— Чего гремишь?

— Я только вошёл.

Он посмотрел на стол.

— Ты хлеб брал?

— Нет. Что с ним?

— Я оставлял целую горбушку. Для сухарей.

Он потёр лицо ладонями, унес миску и пожелал мне спокойной ночи. Я задержался у двери. На столешнице рядом со стаканом виднелся мокрый отпечаток ладони. Когда я коснулся его, дерево было тёплым.

На следующий день мы стали списывать продукты точнее. Геннадий взвешивал открытые упаковки, я помогал ему заносить результаты. Серов посмеивался: доктор назначил диету целой станции. Повар не отвечал.

Недостача оказалась небольшой. Несколько сотен граммов в сутки: хлеб, крупа, тушёнка. Кто-то мог есть по ночам и стесняться признаться. В обычной квартире это выглядело бы нелепостью. Здесь впереди были месяцы, и лишняя еда означала расчёт, который в конце зимы не сойдётся.

— Я не жадничаю, — объяснял Геннадий. — Пусть скажет. Я ему добавлю. Мне понимать надо.

Я поговорил с каждым отдельно. Серов обиделся. Ракитин сказал, что иногда берёт сахар, и сразу показал пачку у своей койки. Когда очередь дошла до меня, Геннадий долго молчал.

— Спрашивай, — сказал я.

— Ты ночью ходишь?

— Иногда.

— Я не про это. Во сне.

В детстве я действительно ходил во сне. Мать рассказывала, как нашла меня в прихожей с обувью в руках. Но больше ничего подобного не случилось. Я ответил, что не хожу.

Геннадий кивнул. Мне показалось, что он ждал именно такого ответа и заранее ему не верил.

В тот вечер я долго вспоминал девятый день. Всё в нём было обычным: каша, осмотры, короткая работа на складе. Только между обедом и ужином оставался странный провал. Я помнил, как Серов попросил помочь проверить старый регистратор в медпункте. Помнил электрод на виске и смешную шапочку из сетки. Потом — как мыл руки перед ужином. Саму проверку не помнил.

На

предэкспедиционном

инструктаже говорили об исследовании сна. Я решил, что мы провели именно его. В бумагах на столе лежал подписанный мной лист согласия. Подпись была моя.

Мне не понравилось, что я проверил это дважды.

Однажды утром Геннадий перестал спорить с пятой миской. Поставил её в конце стола, налил немного супа и накрыл блюдцем.

— Пусть стоит, — сказал он. — Если кто голодный.

Ракитин резко отодвинул стул.

— Убери.

Геннадий выпрямился. За всё время это был первый случай, когда кто-то приказал ему на кухне.

— Ты мне объясни сначала.

— Еда здесь не должна стоять ночью.

— Почему?

Ракитин посмотрел на меня, потом на Серова. Радист медленно положил ложку.

— Мышей прикормим, — сказал механик.

Мы находились в глубине ледяного материка. Ни одной мыши на станции не было.

Глава 03. Три часа

На двадцать третий день Серов позвал меня в радиорубку. Он говорил вполголоса, хотя Геннадий был на кухне, а Ракитин работал в генераторной.

На экране стояли четыре прямоугольника: жилой модуль, переход, склад и машинное помещение. Изображение давала тепловая система наблюдения. Её поставили для поиска перегрева и контроля людей снаружи, но несколько камер смотрели внутрь.

— Это вчера, — сказал Серов.

Он передвинул запись к трём часам ночи. В жилом модуле светились четыре неподвижные фигуры. В складском переходе возникло пятое пятно. Оно задержалось возле двери, вытянулось и исчезло.

— Отражение? — спросил я.

— В тепловом диапазоне бывает. Только вот дверь.

Он открыл журнал датчика. В три ноль ноль склад был открыт, в три ноль четыре закрыт. То же повторялось на протяжении нескольких ночей. Иногда на минуту, иногда на шесть.

— А вчера почему не сказал?

— Хотел исключить сбой.

— Исключил?

Серов пожал плечами и запустил перезагрузку. Экран потемнел, оставив наши отражения. В нём моё лицо на секунду оказалось между лицом Серова и его плечом, словно в комнате стоял ещё один человек.

Мы позвали Ракитина. Он тщательно проверил концевой датчик двери, пошевелил провод, подтянул клемму. Сказал, что контакт окислился.

— А человек на записи?

— Тёплая труба. Камера под углом стоит.

Я попросил его открыть склад, встать в проходе и поднять руку. Серов следил за экраном. Пятно получилось почти таким же, как ночью.

Ракитин опустил руку.

— Значит, кто-то ходит. Нас четверо. Все взрослые. Разберёмся.

Он говорил раздражённо. Но когда мы вернулись в жилой модуль, я увидел, что он проверяет висящие возле выхода страховочные пояса. Пересчитывает карабины. Делает это быстро, не глядя на нас.

Через два дня обнаружилась другая проблема:

топлива

уходило

больше расчётного. Ракитин пересчитал расход, проверил баки, обследовал подающие линии. Утечек не нашёл. Нагрузка на генератор росла ночью, короткими ступенями.

— Подогрев нижних опор, — объяснил он. — Автоматика дурит.

— Ты говорил, что нижний модуль обесточен.

— Опоры и модуль — разные вещи, доктор.

Он обошёл меня и унес журнал в генераторную. Я поймал себя на том, что начинаю следить, куда он кладёт ключи.

Мы не стали назначать ночные дежурства. Это было моей ошибкой. Я предложил сначала проверить состояние сна: нарушение режима, недостаток дневного света, тревога. Мне казалось важным не превратить бытовую неприятность в коллективный страх.

В ту ночь Геннадий закричал.

Я вскочил, ударился коленом о перегородку и увидел, как он бежит к выходу. На нём были бельё и незастёгнутые штаны. Серов что-то спрашивал, Ракитин ругался. Геннадий оттолкнул меня и дёрнул внутреннюю дверь тамбура.

— Там ребёнок!

Я схватил его за локоть. Он оказался сильнее, чем выглядел. Ракитин успел раньше: навалился на наружную дверь и прижал её плечом. В щели уже свистел воздух.

Геннадий ударил механика в грудь.

— Не слышишь, что ли? Она плачет!

Мы удерживали его вдвоём. Серов включил наружный свет. За стеклом летел снег. Больше ничего.

Спустя несколько минут Геннадий обмяк. Мы усадили его на пол возле батареи. Он смотрел на свои босые ступни и повторял, что слышал внучку. Очень ясно, совсем рядом. Она звала деда из-за двери.

Утром ему было стыдно. Он сварил густую кашу, пережарил лук и не садился с нами за стол. Когда я подошёл, он попросил не писать про это в общий отчёт.

Я записал эпизод в медицинский журнал. Не поставил диагноз, только наблюдения. В графе «причина» оставил пустое место.

После завтрака мы установили первое правило. Если ночью кто-то слышит голос снаружи, видит человека или замечает что-то непонятное, он будит одного товарища. Не кричит, не бежит к выходу, не поднимает всю станцию. Сначала проверка, затем действия.

Ракитин потребовал написать короче. Геннадий взял картон и вывел: «НОЧЬЮ — БЕЗ ТРЕВОГИ». Ниже я дописал мелко: «Позови напарника. Проверь дверь. Не выходи один».

Картон повесили над столом. Через неделю мы перестали читать мелкую строчку.

Вечером Серов принёс мне портативный тепловизор.

— Хочешь сам походить?

— А ты?

— Мне кажется, я уже слишком много смотрю.

Я взял прибор. Он был тяжёлый, с потёртым ремешком. Перед сном проверил батарею и положил его под койку.

Проснулся без будильника. В спальне дышали трое. По крайней мере, я различал три дыхания: сипловатое Геннадия, почти неслышное Серова и глубокое, с длинной паузой, Ракитина. Мне захотелось включить свет, но я вспомнил наш картон и поднялся тихо.

В коридоре было прохладнее обычного. Я посмотрел на часы: три двенадцать. Проверил кухню, медпункт, дверь склада. Всё было закрыто.

Возвращаясь, я поднял тепловизор и направил его в спальню.

На экране лежали четыре человека.

Я стоял в дверях. Долго переводил взгляд с маленького дисплея на тёмную комнату, пытаюсь сосчитать правильно. Геннадий. Серов. Ракитин. И ещё один — на моей койке, лицом к стене.

В горле пересохло. Я хотел позвать Серова, но имя застряло. Человек на моей койке не двигался. Его голова была тёплой, жёлтой. Одна рука лежала поверх одеяла.

Я убрал прибор. В темноте различался только бугор.

Можно было разбудить остальных. Можно было включить свет. Вместо этого я сделал несколько шагов, как делают во сне, когда уже знаешь, что идти нельзя.

Возле койки стало слышно дыхание. Тихое, ровное. Я протянул руку и взял одеяло за край.

Под ним никого не было.

Я включил фонарь. Подушка примята, простыня собрана складками. Ладонь легла в тёплую впадину, оставшуюся там, где должно было лежать плечо.

Из-за моей спины Ракитин спросил:

— Увидел?

Я обернулся. Он сидел на своей кровати, полностью одетый.

Глава 04. Медицинская карта

03:12. Койка была тёплой.

03

— Что увидел? — спросил я.

Ракитин опустил ноги на пол.

— Плохой сон. Ты стоишь белый, как простыня.

— Здесь кто-то лежал.

Он посмотрел на мою кровать, затем на телевизор.

— Я слышал, как ты встал. Больше никто не вставал.

Я включил свет. Серов закрыл лицо предплечьем, Геннадий выругался. На койке лежало только скомканное одеяло.

Я рассказал о четырёх фигурах. Серов сразу попросил запись. Прибор не записывал: я не нажал маленькую кнопку под дисплеем. От этого стало особенно стыдно, словно всё остальное можно было отменить одной моей небрежностью.

Геннадий потрогал простыню.

— Тёплая.

— Он сам десять минут назад отсюда встал, — сказал Ракитин.

Спорить было нечем. Я лёг, не раздеваясь. До утра мы почти не спали. Один раз я услышал тихий скрип возле изголовья, но не повернулся: страшно было снова оказаться единственным, кто что-то заметил.

Утром я назначил внеочередной осмотр всем, включая себя. Объяснил, что нужно проверить состояние команды. На самом деле хотел убедиться, что передо мной те же люди.

В кабинете Геннадий первым встал на весы. Восемьдесят два килограмма, как при приёме. Серов — шестьдесят девять. Ракитин — девяносто один. У меня — семьдесят пять. Сошлись шрамы, старые травмы, стоматологические особенности, группы крови. У Серова на правой руке не сгибалась концевая фаланга мизинца. У повара была родинка под лопаткой, про которую он всегда забывал, когда жаловался, что кто-то его ущипнул.

— И что ты ищешь? — спросил Ракитин.

— Изменения.

— Если кто-то изменился, разве он обязан стать тяжелее?

Я поднял глаза. Механик уже застёгивал рубашку.

— Это шутка?

— Это вопрос.

После осмотров я вывесил второе правило: «ПРОВЕРЯЙ НЕПОДДЕЛЬНОЕ». Имел в виду признаки, которые трудно подменить: объективные данные, записи, физические повреждения. Сейчас я понимаю, сколько самоуверенности было в этом слове. Мы ещё не знали, что именно здесь можно подделать.

Геннадий попросил проверить его слух. Он боялся повторения ночного приступа. Мы просидели в медпункте почти час. Я задавал вопросы о сне, работе, семье. Он отвечал коротко, потом неожиданно рассказал о младшей внучке.

Когда ей было четыре, она заперлась в ванной. Замок заклинило. Геннадий тогда разбил дверь, а ребёнок плакал с другой стороны. Он говорил ей, что всё хорошо, хотя сам слышал, как хрустит дерево под отвёрткой, и боялся поранить её осколком.

— Вот точно так же звала. Даже слова те же.

— Ты рассказывал об этом кому-нибудь здесь?

— Тебе сейчас.

Я спросил, не слышал ли он похожий звук в шуме вентиляции. Геннадий посмотрел на меня устало.

— Доктор, я тебе верю. Только ты не делай вид, что уже знаешь ответ.

После этого я перестал объяснять всё недосыпанием. Проверил угарный газ, вентиляцию, герметичность отопителей. Датчики показывали норму. Мы с Ракитиным прошли весь жилой контур, заклеили бумажными полосками панели, которые могли открываться, и сделали фото-

графии. Возле моей кровати была сплошная облицовка, притянутая винтами. На одном винте я заметил свежую царапину.

— Трубы ремонтировали? — спросил я.

— До вас.

— До нас с Серовым?

— До этой смены.

Он сказал это, уже отворачиваясь.

Вечером, убирая медицинские карты, я обнаружил пятую папку. Она стояла между инструкцией к стерилизатору и списанным атласом.

Толстый

серый

картон, штамп станции, год: 1987.

Внутри лежал журнал зимовки. Первые страницы были заполнены аккуратным мелким почерком. Даты, температура, давление, наблюдения за льдом. Затем почерк менялся. Записи становились короче.

«Нас было четверо».

Я перелистнул.

«День 41. Топливо уходит быстрее нормы. Проверить нижний контур».

Ещё несколько страниц: опись инструментов, перечёркнутая схема, пятно от кружки.

Затем:

«День 60. Снова пропала пятая порция».

Я сел. Обложка скрипнула у меня в руках. В конце журнала несколько листов были вырезаны почти под корень.

Я позвал Серова. Он долго рассматривал папку, не касаясь её.

— Откуда?

— Из шкафа.

— Я там смотрел. В первый день искал бланки.

— Значит, плохо смотрел.

Он не ответил. Мы сверили бумаги с описью архива. Такой папки в списке не оказалось. Ракитин сказал, что старые документы хранили где придётся. Геннадий попросил прочитать записи вслух.

Когда я дошёл до пятой порции, повар молча снял со стены наш картон с правилами. Посмотрел на оборот, словно ожидал найти там чужой текст. Потом повесил обратно.

— Они выбрались? — спросил он.

Я пролистал журнал ещё раз. Ответа не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.